

Научная статья

УДК 130(2) +316.6+355.4
EDN: BMGV LW

СЕМАНТИКА ГНОЗИСА РЕАЛЬНОСТИ В МИРЕ ПОБЕДИВШЕГО НАУЧНОГО МЕТОДА

Леонид Александрович Сугрей¹, Лев Викторович Шабанов², Андрей Сергеевич Варакин³

¹ Всероссийская общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов, Пятигорск, Россия

² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

³ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, Онега, Россия

¹ lsugrey@mail.ru

² lev.shabanov@mail.ru

³ varakin1997@inbox.ru

Аннотация. Реальное развитие современной цивилизации неизбежно связано с традицией творческих озарений и свободного поиска – в основании этого лежит поиск научного метода познания окружающего мира. Авторами предпринимается попытка осмысления очевидного, но и вместе с тем трудноуловимого для мышления феномена философии (любовь к истине), направляющего деятельность человека на созидание (к творческой самореализации). Феномена, в котором проявляется человеческий потенциал, на котором лежит печать сосредоточенности современного человека. В этом феномене присутствуют смыслы развития и самодвижение, а также изменения базовых сущностных черт закона (с позиции не только его легальности, но и легитимности).

Ключевые слова: гносеология, семиотика, феноменология мышления, научный метод, научная установка на знание

Для цитирования: Сугрей Л.А., Шабанов Л.В., Варакин А.С. Семантика гнозиса реальности в мире победившего научного метода // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 4 (21). С. 89–96. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/12/016.pdf>. EDN: BMGV LW.

Original article

THE SEMANTICS OF THE GNOSIS OF REALITY IN THE WORLD OF THE VICTORIOUS SCIENTIFIC METHOD

Leonid A. Sugrey¹, Lev V. Shabanov², Andrey S. Varakin³

¹ All-Russian Public Organization of Veterans (Pensioners) of War, Labor, Armed Forces and Law Enforcement Agencies, Pyatigorsk, Russia

² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

³ Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug, Onega, Russia

¹ lsugrey@mail.ru

² lev.shabanov@mail.ru

³ varakin1997@inbox.ru

Abstract. The real development of modern civilization was inevitably connect with the tradition of creative insights and free search – this based to the search for a scientific method of cognition of the world. From this thesis, the authors attempt to comprehend the obvious, but at the same time elusive for thinking phenomenon of philosophy, directing human activity to creation (to creative self-realization). A phenomenon in which human potential manifests itself and on which lies the seal of concentration of modern man. In this phenomenon, there are meanings of development and the movement itself, as well as changes in the basic essential features of the law (from the standpoint of not only its legality, but also legitimacy).

Keywords: epistemology, semiotics, phenomenology of thinking, scientific method, scientific attitude to knowledge

For citation: Sugrey L.A., Shabanov L.V., Varakin A.S. The Semantics of the Gnosis of Reality in the World of the Victorious Scientific Method. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2022;4(21): 89–96. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/12/016.pdf>. EDN: BMGV LW.

© Сугрей Л.А., Шабанов Л.В., Варакин А.С., 2022

Введение

Под обобщенным понятием «наука» мы понимаем нечто общее, что объединяет все научные дисциплины, то есть то, что делает каждую из них в своей отрасли именно наукой, а не чем-то другим. Современные научные дисциплины обладают совокупностью доступных им методов познания мира. Эти методы и определяют в конечном итоге как сам процесс познания, так и его результат. При этом все указанные методы генуино берут свое начало еще в картезианской философии и сформулированном ей метод научного познания мира. Этот научный метод можно определить следующим образом: может быть познано только такое существо, которое предстает в представлении разума как нечто, не оставляющее сомнений, то есть нечто достоверное и безусловное. Эта достоверность и составляет суть вещи, её бытие. Экспансия господствующей по сей день философской позиции натурализма Нового времени составляет естественное основание современного научного мировоззрения.

Основная часть

Будучи захваченными всемогуществом науки, человечеством движет в прямом смысле алчность овладения тем решающим и универсальным методом, который бы открыл сущность всего, что есть. Диктатура обозначенной научной установки находит своё отражение не только в гигантизме индустрии и небывалом промышленном размахе, которыми определяются полезность и значимость науки, но в том, что само существо науки вошло в ряд неотъемлемых ценностей человека. Мы видим, что цивилизация развивается особенно мощно, когда человек обращает неподдельный интерес к науке – когда она увлекает его.

Наука увлекает даже тех, кто всерьез остерегается ее глобально-возрастающего могущества. Уже давно высказываются опасения, что человек больше не контролирует технический прогресс и наука восстает против человека. Главный упрек здесь заключается в том, что наука стала негуманистична, что она уже не так удовлетворяет потребностям человека. В этом случае предполагается лишь найти методы увеличения ее действенности и эффективности, не более того. Единственное, что сущностно решается посредством данного разбирательства –

освобождение от серьезного продумывания могущества научного рассмотрения мира. Желание таким образом решить вопрос о науке обнажает только неудовлетворенное безразличие к данному феномену.

Рассуждая о гуманистичности продолжающей простираться по планете индустрии, мы, так или иначе, изначально находимся прикованными к науке, чье существо, специально оставаясь на виду – скрывается от глубины мышления. Всё это лишь находящаяся в стороне от подлинного осмысления устремленность как-то еще более научно оптимизировать глобальное производство.

Материалы и методы

С давних времен осмысление обретает свою сущность в философии. Философское мышление – это из-начальное мышление, означающее отклик на беззвучный зов бытия. Этот от-клик – и есть философский ответ. Ответ не как точная исчисляемая формула или нечто, имеющее практическое назначение, но как ответ человека на зов призывающего мыслить.

На старославянском языке слова «вѣть» и «отвьѣтъ» означает то же, что и слова «говорить», «совет», «вече» [1, с. 305]. Отвечать – значит рискнуть пройти по пути, который проложил сам язык, пронести мысль по этому пути и снискать этой мысли предельное слово. В ответе человек обращается и одновременно отходит от достойного мысли и только в этом обращающемся отходе, которое еще Аристотелем было обозначено как удивление, он позволяет мысли предстать во всей своей красоте и посеять свою сокровенность истины бытия в откровенности слова. В ответе – человек обращается к предельной ясности слова, что, однако, не означает штамповку и производство «терминов» или «понятий». Из философского ответа невозможно извлечь какую-либо пользу и именно поэтому знание, открывающееся в нем, наиболее значимое. В этом смысле человек беспомощен перед философией, которая проясняет его экзистенциальное положение в мире и не дает ничего сверх этого прояснения.

Тропа, которую в своем тайном походе настойчивого вопрошания прокладывает мышление, очерчивает мир человека – его дом (ойкумену) как возможность быть ответственным.

Дом так же является не менее тяжелым

для осмысления словом. В рамках философии традиционализма это укорененная в покрове традиции обитель зашифрованных в символических формах материи и языка самобытных (т. е. исторических) смыслов, выстроенных не случайно или произвольно по воле человека, но в результате его напряженного вдумывания в мир. Однако тема «дома», как и очевидной «бездомности» человека в растворяющемся на отдельные субстанции мире, требует отдельного рассмотрения и лишь отчасти касается вынесенного на осмысление тезиса.

Применительно к нашей теме необходимо лишь заметить, что современности удастся без лишних помех заточить мирность человека в расхожем представлении, согласно которому мир не что иное, как сумма вещей, застопоренных в представлении субъекта, пусть это представление и делается чересчур действенным оружием в роли манипулирования сущим. В этом случае мир – суть груда безразличных средств-проводников человеческой воли ради иступленного самовозрастания, которое оправдывает эту деятельность только самим своим намерением распространять самое себя (прогресс ради прогресса).

Что это по существу нам говорит? Каждый имеет право на всё только потому, что он вообще имеет способность решить судьбу сущего. Почему? Сущностная черта мира как представления воли обнаруживается в следующей мысли – нет ничего истинного, кроме того, что, прежде всего, мы бы сами не считали истинным. «Истина» выступает как необходимый род заблуждения на пути самовозрастания. Заблуждение почитается за истину до тех пор, пока человек чувствует рост могущества как погони воли через собранность средств к мелькающей и манящей перспективе ее же самой. Эта погоня, одержимая обеспечением результативности всего просчитанного и распланированного, не знает никаких пределов и запретов.

Из изложенного предварительно можно вывести два радикально отличающихся философских взгляда на мир и на человека: первый – никакой истины нет и значит для человека возможно и дозволено всё, второй – истина есть, пусть и очень личная, интимная, сокрытая в бесконечной и никогда неразгаданной тайне, но есть, и человек – и в своём обращении с вещами – обязан ее иметь ввиду и выбирать меру своего обращения, которая рождает закон и становится его основанием.

В первом случае в безграничной погоне за сущим человеческая воля не в силах про-

никнуть в ту область, где благодаря способности отражения мышления – на пути откровения возможно услышать глубинный отказ бытия в притязании на то или иное сущее (*Бытие извечно и постоянно реально, а Сущее – текучее вечно отрицающее самое себя положение вещей – т. е. постоянно не-реально*).

Собственно, именно в терзаниях мышления человек начинает пусть и неясно, нечетко, но понимать, что что-то делать нельзя. Это «нельзя» и открылось первым людям, которые стояли у начала мира и осмыслили его в религиозной поэзии, полной дивящегося восхищения.

Эта область «нельзя» и есть границы мира, которые конституируют нас самих таким образом, что мы становимся достойными знать, как мы имеем право относиться к вещам, сообразно их истине. В философском ответе, в смысле открытости бытию, мы приобретаем решающую ответственность, исходя из которой бытие может наложить вето на наши дерзновенные притязания воли, которые мы, ради того, чтобы уберечь расположение высшего, с-миряем и приносим как с-миренное в жертву. Эта свободная жертва как дар делает возможным выход человека в Мир, где человеческая сущность обретает спасение, ведь за пределами этого Мира простирается разверзнувшаяся бездна безразличного Ничто, которое делает человеческую жизнь бессмысленной. Только в послушной искренности осмысленному откровению человек прибывает в священной робости перед этой бездной и не ходит дальше («геркулесовых столпов»), за которыми поджидает чудовищная пропасть. Запрет или отказ бытия – суть обрамление границ мира, когда выход за его пределы грозит человеку блуждать в слепой неподлинности и фальшивой самонадеянности. Внять запрету – означает принять в собственной ответственной жертве необходимое на пути к истине и отпрянуть от пустыни ничтожности.

Таков философский ответ, который всегда ищет себе убежище в слове. Мир человека очерчивается словом там, где оно заранее обеспеченно чем-то иным, нежели опрометчивым желанием что-либо обозвать и тем самым очеловечить что бы то ни было в средство возрастания собственной воли.

Праславянское «slovo» родственно древнеиндийскому «śravas», авестийскому «sravah» и древнегреческому «κλέος». В общих чертах слово обозначается как нечто, снискавшее славы и почитания (похвалы) [1, с. 673]. Слово всегда что-то обозначает, оно всегда на что-то направлено. То, на что оно

направлено – носит имя. Носить имя как раз и подразумевает быть славным, известным образом находиться в языке. Известность говорит нам о том, что слово, будучи славным, доносит свое имя до целого народа и становится наградой языка. Доносит или извещает о себе всегда то, что заранее бросает зов. Известие представляет собой зов слова, его клич. Известие обращает взор слушающего на слово и его сияние, призывает к ответу. Зов ждет отзыва, от-клика и поэтому ответа.

В звучащей речи слово приобретает форму энергии, раздающейся в мире так, что способно донестись до истины. Звучание, осмысленное речи как будто вспахивает пашню мира и дает приглашение бытию посеять свою истину в охраняемом поле. В осмысленном звучании энергия слова приходит к своей завершенности, именованной энтелехией. Эта художественная завершенность наступает в тот момент, когда слово удостаивается того, чтобы божественное вдохнуло в него жизнь.

Мышление – это и есть то, что в соответствии с древнегреческой мудростью справедливо можно назвать Аристотелевской энергией (от др.-греч. ἐνέργεια). Энергия здесь не как простое беспорядочное и бесцельное движение, а совершенно особенный вид деятельности, бытийная поступь человека к истине слова, в котором он обретает самого себя. За пределами мира строгая поступь слова в русле языка падает в шатание вокруг да около: Человек не выводит собственную возможность «быть» в энергию со-бытия. Он, безусловно, занят теми или иными делишками, но это гуляние в действительном не приводит к существованию человеческой подлинности.

В этой ситуации человек чувствует, что он, несмотря на то, что всегда при деле и занятости, тем не менее, будто бы ничего не делает и не совершает, он «не у дел» и то, что «делается» вовсе ни при чём и ни к чему. Без энергии человек, оставаясь внешне широко деятельным, будто бы никуда не двигается и остается на месте прикованным к узости собственного мировоззрения. Эта незавершенность, исцеляемая только энтелехией энергии, ужасает человека бездной пустоты. Однако обыватель видит спасение от разверзающейся вокруг и внутри него пустыни не в решающем осмыслении, а погружении в еще большее закабаление действительного.

Вместе с тем без движения в смысле энергии исчезает осязаемость временности бытия, пространство будто застывает в цикле бесцельного бегства от скуки, другое имя

которой ацедия. Бегство от значительного и обязывающего в легкомыслие пустого «ни при чём» и «ни к чему», заковывает человеческую жизнь в статусе «ни-к-чемности».

Феномен скуки не просто не остался без внимания в русской мысли, но более того очень глубоко ей продумывался и в результате этого предрек историческую судьбу Западной цивилизации с XIX в. – до наших дней. Именно стремление научно оптимизировать комфорт, убрать человека от «грязной» работы, сделать жизнь беспроblemно простой – привели к тому, что время этого человека проходит под серыми знаменами беспросветной скуки, которую безуспешно будут пытаться развеять наукой, которая ее же и вызвала.

В. В. Розанов по этому поводу писал: «Чем мы встречаем новый век? – Странно сказать, – всемирной скукой» [2, с. 11]. Пророчествовал и Ф. М. Достоевский: «Настанет скука и тоска: всё сделано и нечего более делать, всё известно и нечего более узнавать. Самоубийцы явятся толпами, а не так, как теперь, по углам; люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами, каким-нибудь новым способом, открытым им вместе со всеми открытиями» [3, с. 34]. Возле скуки человеку вместо слова остается одна нищета бормотания, которому, чтобы быть более убедительным, не доставало ранее гигантского размаха техники. Такое положение человека сравнимо с кошмарным сном, от которого он может спастись, только если проснется. Человек спит, и разбудить его может только энергия подлинного слова. Знаменитый языковед А. А. Потебня, изучая сущность слова в качестве пути мышления, писал следующее: «...в языке и поэзии есть положительные свидетельства, что, по верованиям всех индоевропейских народов, слово есть мысль, слово – истина и правда, мудрость, поэзия» [4, с. 158].

И все же наша эпоха жаждет именно усреднённого мещански-обывательского ответа, некой расчётливой, практической точности сущего. Когда мы рассуждаем о том, что такое наука или философия, мы уже исходим из требования рассматривать сущее как непротиворечиво и правильно исчисленное нечто. Наше видение уже заранее определяется неким владычаствующим началом, существо которого скрыто от подчиняемого.

Разборчивая наблюдательность, изготовляющая сущее к употреблению, считается «точным» и самым ценным мышлением. Точность выражается в расчете. В том, как То или Иное сущее сейчас предстает в образ-

це расчета и в том, каким оно будет (рассчитано) в перспективе. Точное мышление как расчет – надзирательство за сущим, которое в этом смысле можно назвать употребляемой для разборчивости наблюдательностью.

В соответствии с древнегреческой философской традицией точное мышление в качестве наблюдения называлось эмпирия (от др.-греч. ἐμπειρία – опыт), т. е. «опытное мышление».

Но, обращаясь к античности, всегда необходимо остерегаться заблуждения, будто древние мыслили куда меньше и скуднее, чем мыслят ученые сейчас. При этом обычно ссылаются на практическую негодность античной философии ввиду скудности сохранившихся письменных источников, достойных лишь того, чтобы о чём-то исторически свидетельствовать. Указывается на то, что сегодня знания о мире куда большие, чем это было раньше, а в пример ставятся множество солидных научных исследований, и технологическая невозможность широты их применения простым человеком без помощи машины Искусственного интеллекта. Гигантизм индустрии как бы «говорит сам за себя»: миллионы энергетических установок накачивают энергией сложную архитектуру ИскИнта, который пожирает бесконечные массы единиц информации. При этом (как в параллельном мире) от философии ждут некоего объяснения и обоснования собственного существования и необходимости быть как самой по себе в виде мировоззрения, так и элементом образования в виде общеобразовательной дисциплины. Когда само по себе «качественное и количественное по сути» перестаёт видеть свои противоположные начала и, дабы не отрицать себя как «бессмысленную сущность», требует обоснования своего бытия.

Результаты

Из всего вышеизложенного выводится два радикальных взгляда: *сциентизм* как метод воздействия на мир и *гуманизм* как метод отношения к человеку. При этом первый – это поле битвы за основной вопрос Философии, что первично – материя или сознание? – где божественной истины нет, а для человека всё дозволено и возможно (даже в мире абсолютного идеализма виртуальных миров). А второй взгляд направлен на антропологический переход, где истина есть путь в бесконечность тайны бытия, происхождения и вероятной возможности дальнейшей эволюции человека – через познание мира (Я и моя природа) и создание мира вещей (Я и мои культуры) – к сверхчеловеку общества трансгуманизма («Я – Мы») – центричность

роевого типа).

Человек перепоручает собственную возможность «быть» цифровому помощнику – искусственному интеллекту и его интернету вещей: взаимоувязанных андроидов, киборгов и машин. Энергия со-бытия становится энергией роевого со-действия, где человек, делегируя массу необходимых полномочий машинам, сам приравнивает себя к механизму. Механизмы природы человека включают и выключают его активность, механизмы культуры – его развлекают на том уровне развития рассудка, которого он достиг. Получается линия трансгуманизма: человека создал труд, механизмы создал человек, выродженца создают механизмы.

Нематериальные информационные элементы науки сегодня превращаются в гигантский *голем (ИскИнт)*, диктатура которого не знает ни эмоций, ни иррациональных стремлений, ни элементарного сомнения. Да и знаменитый лозунг «Философии Права» Гегеля: «всё действительное разумно, всё разумное действительно», для искусственного интеллекта превращается в алгоритм: «реально то, что не противоречит научной установке, заложенной программой исчисления». Негуманистичность современной науки превращает систему перевода научных результатов не в сферу практического удовлетворения человека, как призвали нас древние, но в систему обслуживания всё более и более усложняющейся архитектуры ИскИнта – он определяет, КАК ещё более научно оптимизировать глобальное производство сокровенность истины бытия в откровенности слова. А человек при этом, развивая цивилизацию, теряет истины нестандартных подходов, перестаёт интерпретировать бесконечные колонки цифр, заполняющих «тонны» гигабайт, теряет способность понимать философов древности.

Обсуждение

Конечно, тяжело спорить с тем, что все совокупные научные труды древних, средневековых, эпохи Возрождения, Нового Времени и мыслителей XIX–XX вв. по своему объёму ничтожны в сравнении с современной, постоянно расширяющейся научной литературой. Да, древнегреческие мыслители немногословны, но, тем не менее, они говорят гораздо больше того текста (пусть и фрагмента), что дошёл до нас. Необходимо иметь в виду, что именно философские тексты считались сакральным знанием, т. е. имели не только контекст, но и подтекст (то самое иррациональное), а также несколько «зеркал», отражающих прошлое и настоящее состояние той аудитории (способной понимать контекст), к которой обращался

философ [5, с. 90–92].

При этом необходимо отдавать себе отчёт и в том, что естественное развитие науки – поступательно (в силу закона перехода количества в качество и качества в количество), но не обязательно – линейно. Более того, подчиняясь неумолимому закону единства и борьбы противоположных начал, имеет возвратный характер в соответствии с законом отрицания отрицания.

Возможна ли подобная связь ИскИнта с человеческой аудиторией? Или можем ли мы ожидать от искусственного интеллекта создания высококультурного произведения, например, театральной пьесы, которая не была бы элементом досужего развлечения, как в Новое Время, а напротив, оказалась бы глубоким, как мистический ритуал, актом античной трагедии (открывающей сокровенное знание через катарсис).

Чем из-начальнее и глубже мысль, тем меньше язык произносит, но больше говорит. Можем ли мы сказать подобное об алгоритмах? Сказанное мыслителем в своём существе – всегда строго, растрчивать силу слова для него – непозволительная роскошь, в отличие от ИскИнта, который способен сохранять, обрабатывать и транслировать огромные слои любой информации, погружая своего оппонента в цифровой Великий Потоп. Конечно, со времён Схоластики, человека науки обязывали, прежде чем вынести слово о предмете исследования, необходимо описать объектную сферу, взгляды на эту область и т. д. Учёный произносит слишком много, утопая в достаточных основаниях, доказательствах, аналогиях и ссылках на авторитеты. Таким образом, занимаясь обязательным формализмом, человек науки движется сквозь алгоритмы, часто при этом, подобно ИскИнту, представляя массу информации и не говоря ничего.

Может показаться, что сдержанность и строгость сказанного несколько умаляет язык, а лаконичность скрывает полноту его богатства. Однако, чем более мысль принадлежит началу философствования, тем дальше уходит она в невысказанное. Это многое говорит о разнице мыслителя и машины [6, с. 94, 100–101]. Самое значимое в их мысли остается в тени сказанного слова, скрываясь от животного надзирательства. Громогласная тишина молчания хранит слово в его скрытой и простой изначальности, что делает его недостижимым для любой пошлости «автоматизма» словоупотребления, «машинального» текста, рефлексивного «разговаривания».

Массовая болтливость нашего времени превращает зов слова в пустой шум. Буквы

сменяются на цифры, цифры превращаются в картинки, картинки в пиктографику. Слово исчезает в слепом действовании и росте воли (точнее, безвольному следованию потребительскому контенту). «Но сделать язык беднее на одно слово – это значит сделать мысль народа беднее на одно понятие» [7, с. 103], как справедливо замечал А. Шопенгауэр. Самый большой вклад в обеднение и опустынивание языка внесли вцепившиеся в язык СМИ и информационная культура в целом, они «тщательно пересчитывают буквы и бесстыдно уродуют слова или употребляют их в искаженном смысле – лишь бы только выгадать две буквы» [7, с. 104].

Искусственный интеллект родился из парадокса бедности языка – чем лаконичней язык, тем он легче встраивается в алгоритм, чем меньше знаков – тем больше алгоритмов, чем больше алгоритмов, тем меньше нужно тратить знаков на команды для машинной цивилизации. Это новый стиль гиперинформационной эпохи, эпохи словесного перенасыщения, а по факту – пустоты словесного шума, затрагивает и форматирует под усреднённо-бедное мышление не только ИскИнта или современную литературу, но и, пожалуй, самый важный вид языка – законы (фельетонная эпоха рождает фельетонированные законы и опереточное их понимание и исполнение).

Законы перестают быть местом сосредоточения таких словесных форм, которые очерчивают бытие человека, как Логос, «нельзя» которого жёстко определяют границы его подлинной бытийности. Сегодня закон не столько научен, сколько юридичен – он, безусловно, что-то описывает, о чем-то сообщает человеку, но всё это лишь говорит о законе, как о складно написанной инструкции. Отсюда административно-хозяйственная идиотия от отмены законов экономического развития (Закон стоимости и «Волшебная рука» рынка) до запретов наступления зимнего периода года в ряде энергетически несостоятельных стран Европы в 2019–2022 гг.

Закон, как изначальная легитимность, прежде всего – большая тайна для человека. Это мучительный вопрос, которым задаётся человеческий разум, когда он чего-то хочет, но не может получить, т. к. обход закона – невозможен, точнее возможен, но только преступным способом, ибо «так говорит Закон».

А почему он так говорит? И почему за пределами Закона человек больше не находит самого себя? Что значит субъективное понимание объективного Закона? Или какой

смысл в субъективном понимании, если последствия, предусмотренные Законом – объективны и неотвратимы? Это вопросы, которые должны оставаться без ответа, но никогда не должны уходить в забвение – объяснит ли это Человек своему рою машин и приборов, руководимых Искусственным интеллектом?

Выводы

Возможно ли эту тайну запечатлеть в алгоритмах или приставить к правовым инструкциям? Сложный вопрос. Возможно ли русскому народу создать такое словесное пространство для мышления (например, в рамках образцового высшего образовательного учреждения), где эта тайна смогла бы обитать и освечивать бывшие прежде безмолвными законодательные конструкции, которые в этом свете стали бы не просто «функцией государственной жизнедеятельности», а вопросом человеческого бытия?

Вполне возможно.

Однако не в современной системе просвещения, иначе она бы уже давно проявилась, поскольку подобное осмысление закона-данного и вообще размышления о соотношении Закона мирского с Законом высшим присуще русскому мышлению, причём самым её высшим формам, которые можно обнаружить и в философии космизма и в софиологии, и в литературном творческом наследии, и даже в современных видах массового искусства.

Разумеется, идея создания подобного пространства должна стать результатом об-

думывания исторического прошлого и тех реалий России, которые являются частью большой традиции и элементами национальных интересов. Идея такого плана «не может быть воздвигнута на пустом месте или начать своё существование с нулевой отметки – априори, это невозможно. Народ, за плечами которого более чем тысячелетняя история, не имеет права начинать всё сызнова» [8, с. 283]. В противном случае неизбежно будут рождаться одни мертворожденные идеи преклонения перед торжествующим идолищем прогресса «по ту сторону добра и зла», бездумный оммаж Европейским системам ценностей «по ту сторону принципа удовольствия», умаление собственной мысли и подчинение своей воли неким абстрактным алгоритмам «по ту сторону биологических оснований».

Семантика Русского мира должна не просто заявлять о себе в контексте запрета доминирования какой-то одной идеологии (т. е. быть *неравноправной* «одной из многих»), но и начинать формировать своё пространство смыслов (т. е. становиться «первой среди равных»). Сколько бы усилий на это ни было затрачено, всё-таки собрать урожай реальных плодов, привнести их в сокровищницу мировой, планетарной, ноосферной, космической линии развития (т. е. сделать нашу семантику не просто языком науки, но языком будущего человечества). Иначе для лодки, которая не имеет цели, никакой ветер не будет попутным.

Список источников

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М. : Прогресс, 1986.
2. Розанов В. В. Когда начальство ушло... М. : Республика, 1997. 671 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. М. : Наука, 1981. 408 с.
4. Потеня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 624 с.
5. Шабанов Л. В. Педагогическое пространство соотносимости мышления реципиента и языка коммуникатора // Научное мнение. 2020. № 12. С. 89–93.
6. Шабанов Л. В. Типы стратегий как социально-психологический феномен принятия решения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 93–103.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: собр. сочинений: в 5 т. М. : Московский клуб, 1992.
8. Сугрей Л. А. Традиционализм как социальная философия этноса: монография. Петригорск: ГК, 1999. 340 с.

References

1. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Progress. 1986. (In Russ.).
2. Rozanov V. V. *Kogda nachal'stvo ushlo ...*. Moscow: Respublika. 1997. (In Russ.).
3. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 22. Moscow. Nauka. 1981. (In Russ.).
4. Potebnaya A. A. *Slovo i mif*. Moscow. Pravda. 1989. (In Russ.).
5. SHabanov L. V. Pedagogical space of correlation between the thinking of the recipient and the language of the communicator. In: *Scientific opinion*. 2020;12: 89–93. (In Russ.).

6. Shabanov L. V. Types of strategies as a socio-psychological phenomenon decision-making // *Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*. 2022;1 (18): 93–103. (In Russ.).

7. Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavlenie*. Moscow. Moskovskij klub, 1992. (In Russ.).

8. Sugrej L. A. *Tradicionalizm kak social'naya filosofiya etnosa*. Pyatigorsk: GK. 1999. (In Russ.).

Информация об авторе (авторах)

Л. А. Сугрей – доктор философских наук, кандидат исторических наук

Л. В. Шабанов – доктор философских наук, кандидат психологических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022;
одобрена после рецензирования 31.10.2022;
принята к публикации 22.12.2022.

Information about the author (authors)

L. A. Sugrey – Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (History)

L. V. Shabanov – Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (Psychology)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.10.2022;
approved after reviewing 31.10.2022;
accepted for publication 22.12.2022.